

ИНСТИТУТ
ВОСТОЧНЫХ
РУКОПИСЕЙ
РАН

РУССКАЯ
ХРИСТИАНСКАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Миссионеры на Дальнем Востоке

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
19–20 НОЯБРЯ 2014 г.

СОСТАВИТЕЛИ:

В. Ю. КЛИМОВ, Т. А. ПАН,

К. Г. МАРАНДЖЯН, Д. КИКНАДЗЕ, В. В. ЩЕПКИН

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2014

УДК 2(571)
ББК 86.2(55)
М65

Составители:
В.Ю. Климов, Т.А. Пан,
К.Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В.В. Щепкин

М65   **Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы между-**
народной научной конференции (Санкт-Петербург, 19-
20 ноября 2014 г.). — СПб.: Издательство РХГА, 2014. — 207 с.

ISBN 978-5-88812-702-5

УДК 2(571)
ББК 86.2(55)

ISBN 978-5-88812-702-5

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство РХГА, 2014

Содержание

От составителей.....	6
<i>Адамек П.</i> Польские миссионеры в Китае в XVII–XVIII веках.....	8
<i>Бертова А. Д.</i> Жизнь и деятельность Ниидзима Дзё.....	11
<i>Болошина М. С.</i> Русская Духовная Миссия и японские женщины эпохи Мэйдзи (по материалам журналов «Мадо» и «Муза») ...	13
<i>Болтач Ю. В.</i> «Деяния [людей] Трёх государств» о первом проповеднике буддизма в Корее — монахе Шунь-да	24
<i>Валеев Р. М., Колесова Е. В., Хабибуллин М. З.</i> Миссионерское востоковедение в Казани: события и судьбы (XIX – начало XX вв.)	30
<i>Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г.</i> В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.)	35
<i>Даньшин А. В.</i> Участник тринадцатой российской духовной миссии в Китае М. Д. Храповицкий и его вклад в изучение дальневосточного права	47
<i>Дмитренко А. А.</i> Российская духовная миссия в Китае в сравнении с инославными миссиями: причины неуспеха	50

<i>Захарова И. М.</i>	
Итоги изучения Сибири и Монголии участниками посольства Ю. А. Головкина	53
<i>Кикнадзе Д.</i>	
Об одном эпизоде из жизни патриарха японской школы Тэндай Эннина (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.)	56
<i>Климов В. Ю.</i>	
Христианство в Японии во 2-й половине XVI – начале XVII вв.: миссионеры, христианские даймё, источники (краткий обзор)	69
<i>Лалин П. А.</i>	
Первый опыт организации православного образования в Китае во время династии Цин: к истории Албазинского мужского училища (первая четверть – конец XIX в.)	90
<i>Маранджян К. Г.</i>	
Карл Гюцлаф в воспоминаниях современника (по материалам дневника миссионера Б. Беттельхайма)	105
<i>Мартынов Д. Е.</i>	
Специфика деятельности X православной Духовной миссии в Пекине (1821–1831)	114
<i>Месхидзе Д. И.</i>	
Педро Аррупе Гондра и его миссионерская деятельность в Японии (1938–1965).....	117
<i>Михайлова С. А.</i>	
Путевые заметки художника В. В. Верещагина о поездке в Японию летом 1903 года	120
<i>Носов Д. А.</i>	
Особенности деятельности Казанской миссионерской школы в буддийских регионах.....	122

<i>Османов Е. М.</i>	
Влияние «христианского столетия» на переход к политике самоизоляции Японии	141
<i>Пан Т. А.</i>	
Деятельность Доменика Парренина в Пекине	161
<i>Lauren F. Pfister</i>	
The Values and Limits of a Hermeneutics of Suspicion in Evaluating the Canon-in-Translations Produced by Missionary-Scholars: Cases and Reflections	171
<i>Сизова А. А.</i>	
Предварительные замечания о первом переводе «Ламрим Ченмо» на европейский язык, выполненном миссионером-иезуитом Ипполито Дезидери (1684–1733)	173
<i>Чхве Чиюн</i>	
Краткий очерк истории Корейской Православной Церкви ...	183
<i>Шубина С. А.</i>	
Источники личного происхождения о российской духовной миссии в Китае (XVIII – начало XX века)	192
<i>Щепкин В. В.</i>	
Первые миссионеры в землях айнов (1618–1622) и их наследие	200

Лапин Павел Андреевич,
кандидат исторических наук,
второй секретарь Первого департамента Азии
МИД России
wajijao2000@mail.ru

Первый опыт организации православного образования в Китае во время династии Цин: к истории Албазинского мужского училища (первая четверть – конец XIX в.)

После прибытия в 1716 г. в Пекин Первой российской духовной миссии (РДМ) русская община, начавшая там свое формирование еще в конце XVII в., стала важным объектом влияния российских властей¹. Долгие годы жизни в Китае отдалили наших бывших соотечественников от их прежнего отечества. Они оказались «не очень стойкими приверженцами православной веры», «и стали постепенно “окитаиваться”» [23. С. 14–15]: «говорят одним языком, то есть китайским, одинаковую с ними (китайскими подданными. — П. Л.) носят одежду, и в самом образе жизни приняли все правила бедного, празднолюбивого маньчжурского солдата, суеверного поклонника закону шаманскому» [14. С. 71].

С целью укрепления православного духа в среде наших бывших соотечественников российские власти принимают решение

---

¹ Появление в китайской столице русской диаспоры было связано с активной политикой Российского государства по освоению дальневосточных рубежей. В середине – конце XVII в. происходило сближение границ России и Цинской империи. Многочисленные стычки между российскими казаками и маньчжурской конницей нередко заканчивались взятием россиян в плен и их отправкой в Пекин (большая их часть была защитниками пограничной крепости Албазин — албазинцы), где они определялись на службу в специально образованную «русскую роту» маньчжурской армии (подробнее о российско-китайском пограничном конфликте и российской диаспоре в Пекине см., например: [2. С. 57–71; 6. С. 266–269; 16. С. 26–28, 30–32; 17. С. 55–73; 38. С. 125–132; 37. С. 83–84; 39. С. 42]).

открыть при Пекинской миссии церковное училище для мальчиков-албазинцев.¹ Его учреждение, по мнению организаторов, позволило бы не только на регулярной основе знакомить потомков россиян с православной культурой и русским языком, но и в долгосрочной перспективе дало бы возможность создать в Китае прослойку людей, лояльно настроенных к России и испытывавших доброе чувство к своему бывшему отечеству, что было весьма кстати в период установления тесных контактов между двумя империями.

Первые попытки наладить образовательно-проповедническую деятельность среди потомков проживавших в Пекине россиян наши миссионеры предприняли еще в первой половине XVIII в. В 1736 г. иеромонах Лаврентий создал «хор певчих албазинцев и выучил христианина-китайца славянскому чтению, образовав его в дьячка» [34. С. 8]. Такие случаи, правда, были единичными, и успехи предпринимаемых усилий во многом зависели от личных инициатив служителей духовного учреждения и конкретных обстоятельств. Было понятно, что без открытия учебного заведения, где специальные знания давались бы на системной основе, проведение успешной пасторской деятельности было невозможным.

Активную работу на этом направлении начал проводить начальник Десятой РДМ в Пекине архимандрит Петр (Каменский). В инструкции, подготовленной Азиатским департаментом МИД в 1818 г. еще до отправки настоятеля в Китай, указывалось, в частности, на необходимость «содержать при миссии нескольких маль-

---

¹ Создание в Пекине по линии иностранных религиозных организаций учебных заведений не было новым для китайской традиции гуманитарных контактов с внешним миром. Еще в 1305 г. находившийся в китайской столице миссионер-иезуит Корвино (Joannes de Monte Corvino) в письме другому иезуиту Газарню (Gazaria) упоминал о принятии к себе для обучения латинскому и греческому языкам 158 мальчиков в возрасте от 7 до 11 лет [35. С. 9]. Если эти слова соответствуют действительности, то иезуит, видимо, действовавший с уведомления столичных властей, организовал самую большую на тот момент в Китае группу по изучению иностранных языков. В минские времена преподавание латинского языка в Китае продолжилось. Во многих городах Китая иезуиты организовывали приходы, где прихожанам преподавали этот язык [35. С. 9–11]. А для знакомства их с основами христианского учения, для чего, собственно, эти приходы и создавались, с согласия императора Ваньли в 1614 г. с латыни на китайский язык была переведена Библия [35. С. 9].

чиков албазинского рода и обучать их на всем российском иждивении. Иеромонахи и дьяконы должны обучать их русской грамоте¹ и Закону Божьему, а вы (настоятель миссии. — П. Л.) будете стараться об образовании их нравственном» [26. Л. 10а; 5. С. 633].

После получения соответствующего разрешения миссия начала работу по организации училища. Учебное заведение разместили в доме, находившемся около Успенской церкви на территории северного подворья. Там было выделено несколько комнат: одна «была ученикам для занятий, а другая для спальни» [4. Л. 4об], в «небольшой со стеклянными дверьми комнате» было также предусмотрено жилое помещение для учителя [8. С. 30]. Для приема учеников все было готово, и в сентябре 1822 г. «по исправлении собранием молельни божьей открыто было для албазинских детей училище» [29. Л. 2об], «в которое поступило на первый раз семь учеников» [4. Л. 1об].

Об открытии учебного заведения архимандрит Петр доложил в МИД, который счел необходимым направить доклад на имя императора Николая I, поднесенный монарху в Москве 29 июня 1826 г. [27. Л. 1 об].

Несмотря на появление в китайской столице православного учебного заведения, российские власти пока воздерживались от масштабных действий по его развитию. Хотя Российская духовная миссия не ставила себе задачу обращения Китая в православие (в отличие от, например, служителей католических орденов), а всего лишь желала привлечь бывших своих соотечественников — албазинцев и часть лояльно настроенных к российскому духовному учреждению китайцев к православной традиции и русскому языку, она, тем не менее, испытывала на себе определенное давление со стороны китайских властей, подчас совсем неоправданное. Понимая это, Азиатский департамент вскоре после открытия училища направил в Пекин депешу, указывая начальнику миссии, что «укоренение христианского учения между малым числом албазинцев, конечно, полезно, но сие же не должно отнюдь завлекать миссию

---

¹ Это имелось в виду делать по той причине, что «природные албазинцы не токмо христианскую веру, но и российский язык давно забыли» [1. С. 328], который, как указывалось, «заменили китайским» [34. С. 11].

нашу в обширное поприще, которое рано или поздно может породить подозрение в китайцах и произвести невыгодные для нас на умы их впечатления» [33. Л. 10б].

Набору слушателей Албазинского училища уделялось большое внимание, так как от эффективного решения этого вопроса зависела стабильность всего учебного процесса. Как указывалось, наши бывшие соотечественники к тому времени практически полностью растворилась в китайском обществе, забыли русский язык, ввиду чего призывы российских священнослужителей жить в соответствии с православной традицией и устоями были им во многом чужды и непонятны. В этой связи миссионерам приходилось тратить много времени и средств, чтобы разъяснить албазинцам преимущества от поступления их детей в русское училище. С учетом специфики российской общины от прямого завлечения учеников пришлось отказаться и больше рассчитывать на часто возникавшие возможности задобрить старших албазинцев, заинтересовать их и склонить на свою сторону. «Угощали их как дорогих гостей и обедами, и ужинами, позволяли им у себя в комнатах пировать, шуметь и даже оставаться на ночь. Оказывали им помощи как вельможам, а чаще всего давали им в долг по большому количеству сумм» [33. Л. 16а].

Постепенно работа в российской диаспоре начала давать свои результаты. После первого набора семерых учащихся, к 1824 г. в учебное заведение были записаны 14 человек, что даже «тесная комната для училища, на первых порах для малого числа учеников отделенная, с трудом вмещала уже увеличившееся число оных» [4. Л. 6а]. Отдавая своих детей в миссию, албазинцы, однако, «не опускали случая показать, что этим они делают большую услугу и одолжение вследствие усиленных просьб со стороны русских» [33. Л. 17об].

Стоит сказать, что такой способ привлечения детей албазинцев в училище в итоге оказался малоэффективным. Явной заинтересованности у родителей учеников не было, и их желание направить подростка в училище напрямую зависело от степени «внимания» к ним со стороны священнослужителей. Если «благодарности» в какой-то момент «поступать» переставали, родители детей «на

всяком шагу выражали неудобовыносимые, неудобовыразимые, самые невежественные досады» [12. С. 14]. Некоторые из них, возможно, также испытывали опасения за чрезмерные контакты с иностранными служителями культа, поэтому «отдавая [детей], как будто пробуют, и все же обратно берут» [12. С. 14].

В итоге, в 1830 г. количество учеников сократилось до 10 человек [33. Л. 17об]. Однако к этому моменту также относят факт первого приема на учебу первых двух китайских воспитанников, зачисленных в учебное заведение не позднее лета 1831 г. [32. Л. 11 об]. Несмотря на трудности, работа миссионеров в русской диаспоре продолжилась, и уже в 1836 г. большинство родителей выразили желание вернуть своих детей за парты. Священнослужители выставили ряд условий их повторного зачисления, после удовлетворения которых обучающиеся были возвращены в миссию.¹

После того, как конфликт, как казалось, был разрешен, возникли новые затруднения, вновь закончившиеся уходом слушателей из училища². Такой поворот событий заставил служителей миссии прибегнуть к более серьезным мерам: было принято решение впредь зачислять в училище «не иначе как взяв подписку с их отцов, также ротного старшины и ротного *фындэ-бошко* (ротный командир. — П. Л.) в том, что они (родители учеников. — П. Л.) отнюдь не будут выводить их [детей] из училища без нашего (миссионеров. — П. Л.) согласия, а однажды выведенных более уже не принимают» [33. Л. 21об]. Несмотря на то, что в будущем миссионеры продолжали испытывать трудности с набором учеников³,

¹ Миссионеры требовали, чтобы «никто ни в каком случае не уводил их (детей. — П. Л.) из училища без нашего (священнослужителей. — П. Л.) позволения; чтобы никто не препятствовал нам обучать детей такими предметами, которые нами будут назначены; чтобы никто не оскорблялся, если за шалости их и за неспособность к учению мы будем исключать детей из училища» [33. Л. 19а].

² При миссионерах остались лишь «два мальчика, кроме того четыре мальчика из посторонних христиан: сын маньчжура Терентия и три сына китайца Павла» [33. Л. 21а].

³ «В два года мальчики (албазинцы. — П. Л.) привыкли читать и петь в церкви, — в частности, писал в 1844 г. в Россию иеродьякон Двенадцатой миссии Гурий (Карпов), — мне удалось им растолковать, и они поняли и разбирали партитуру, но как-то нужно было их наказать, и я лишил их обыкновенной праздничной

ситуация с привлечением новых слушателей в училище в целом стабилизировалась¹.

Возраст учеников регламентирован, видимо, не был. В учебное заведение миссионеры были готовы принимать всех, кто приходил: «Малютка — круглый сирота, у него ни отца, ни матери. Дядя его месяца за два отдал его в наше албазинское училище» [7. С. 96]. Основной же костяк обучавшихся составляли мальчишки в возрасте 13–21 годов [12. С. 6–7].

Содержание обучения было весьма разнообразным. В связи с тем, что учебное заведение носило религиозный характер, там велось толкование базовых православных писаний и преподавались основы христианской этики: Старый и Новый Заветы, православные молитвы и заповеди, Евангелие, детей также обучали церковному пению. Для наиболее одаренных слушателей было предусмотрено изучение маньчжурского и китайского языков, арифметики, всеобщей истории и географии. Уделялось внимание и преподаванию основ китайской традиционной и философской мысли: ученикам разъяснялись канонические произведения — «четырекнижье» и «пятикнижье», и делалось это исключительно для того, чтобы «избавить наших воспитанников от нареkania глупцов и чтобы посторонние язычники не считали наше образование ничтожеством» [33. Л. 18а]. Во второй половине дня учащиеся «практиковались стрельянием из лука» [30. Л. 2а].

Важное место занимало преподавание русского языка, причем как современного (по тем меркам), так и староцерковного. Стоит сказать, что обучение ему было инициировано самими же родителями детей-учеников, которые во время одной из служб, прово-

---

награды, а они постарались вознаградить себя и обокрали церковь. С этих пор училище закрыто и кажется надолго, если не навсегда» [13. С. 658].

¹ В 1850 г. «училище существовало на таких же условиях в учебном и нравственном положении, на которых оно было оставлено прежней миссией»: в ученики были записаны 10 человек [30. Л. 10б]. На следующий год количество слушателей возросло до 20 человек, в связи с чем было принято решение открыть в училище два отделения — старшее и младшее. На старшем учились 13 человек, на младшем — 7 человек [31. Л. 2а]. В середине 50-х гг. XIX в. общее количество учащихся несколько понизилось и составляло 15 человек [30. Л. 2а], столько же учеников посещали учебное заведение и в 60-х гг. XIX в. [9. С. 375]. В 90-е гг. XIX в. количество слушателей составляло более 25 человек [14. С. 84].

дившейся в 1821 г. начальником Десятой РДМ Петром, выразили желание, чтобы русский язык во время молебна «был господствующим, дабы священослужение для них нисколько не отличалось от совершаемого в России» [34. С. 11]. Преподавался письменный и устный русский язык, в помощь ученикам миссионеры составляли «русско-китайские разговоры», а с наиболее успешными из них читали русские книги [30. Л. 2а; 31. Л. 2об].

Предпринимавшиеся усилия давали результаты: «Вообще, успехи детей по училищу, — писал иеромонах Павел Цветков настоятелю миссии Палладию в 1851 г., — судя по степени их способности и прилежанию довольно удовлетворительные» [30. Л. 2а]. Некоторые ученики настолько преуспели в изучении русского языка, что вполне могли служить переводчиками при Российской миссии, оказывали помощь священнослужителям в работе по церкви: один из них, Кассиан, в течение 15 лет занимался составлением православного календаря по русским книгам. Выпускники училища также приглашались для преподавания китайского языка нашим же миссионерам [9. С. 376; 34. С. 11]. Обсуждались даже возможности командирования наиболее успешных китайских учеников в Россию для продолжения обучения в церковных учебных заведениях [31. Л. 2об].

Однако столь преуспевавших воспитанников училища было совсем не много. В своем большинстве ученики не желали старательно заниматься русским языком и постигать основы православия: «Русский же язык идет безусловно плохо. Процесс чтения и писания производится вполне машинально, без всякого смысла и понимания» [14. С. 85]. Столь посредственные успехи в обучении лишали выпускников возможности оказаться востребованными при построении контактов с Россией: «Они могли несколько понимать разговор наш, но все это не доставляло нам никакой существенной пользы», — писали миссионеры [33. Л. 18а]. И это притом, что, овладев русским языком, молодые албазинцы-китайцы, по мнению священнослужителей, имели реальные возможности трудоустройства как по церковной, так и по гражданской части¹.

---

¹ Суммировав опыты контактов с Россией, миссионеры полагали, что: «...они (выпускники училища. — П. Л.), образовавшись, могут предпочтительно употребляемы в учителях в Албазинском училище; будут способны руководить

Преподавателями училища чаще всего выступали сами члены духовной миссии. Вскоре после образования учебного заведения последовала инструкция настоятелю миссии с указанием: «Для обучения их (албазинцев. — П. Л.) Закону Божьему и русскому языку, чего ради для отправления служб в Успенской церкви, при коей находится училище, отправить туда на жительство одного иеромонаха,¹ придав ему в помощь иеродьякона» [25. С. 18].² С тем, чтобы снизить нагрузку на членов миссии, в училище в качестве преподавателей также приглашались албазинцы [30. Л. 20б]. На такие предложения наши бывшие соотечественники отзывались весьма охотно, так как это давало им возможность иметь постоянный доход и место жительства в миссии, что весьма ценилось. Кроме албазинцев, в училище также приглашали преподавать представителей других религиозных конфессий.³

миссионерами в изучении китайского и маньчжурского языков; [могут быть определены] по русской словесности в дворянском пекинском училище (Школа русского языка при Дворцовой канцелярии — *Нэйгэ элосы вэнь гуань*, открытая китайскими властями в Пекине в 1708 г.) для подготовки переводчиков русского языка. — П. Л.) места студентов, учителей и переводчиков, чего нередко добиваются и богатые дома, но не всегда получают» [12. С. 15]. Содержание училища также отвечало стратегическим интересам России по формированию в Китае лояльно настроенных к нашему государству слоев общества: «Сими средствами могут размножены быть приверженцы к россиянам, чрез них откроются нужные, с нужными людьми полезные знакомства. Можно, когда нужно будет, под разными видами посылать во внешние даже владения, в свитах казенных посольств, например под видом прислужника, письмоводца и пр.» [12. С. 15]. То есть предпринималась попытка наладить в миссии подготовку людей, из которых позже можно было бы сформировать свою агентуру, способную работать в интересах российской стороны.

¹ Сама миссия с 1729 г. располагалась на территории южного русского подворья, находившегося в южной части города на достаточно большом удалении от северного подворья, где было открыто училище.

² Надо сказать, что такое предложение по организации преподавания шло вразрез с прежней инструкцией МИД, вменявшей в обязанности всем членам миссии заниматься обучением албазинцев. Несмотря на это Совет миссии был вынужден принять новую инструкцию и организовать преподавание требуемым способом, хотя и с «очевидным ущербом для собственных успехов в учебных занятиях» членов миссии [28. Л. 6а].

³ Так, например, в 1833 г. там преподавал католический христианин Иосиф [33. Л. 18а].

Финансирование училища осуществлялось за счет Российского государства. В начальный период работы учебного заведения в 20–30-х гг. XIX в. годовой объем ассигнований составлял 1,5 тыс. рублей (на содержание всей миссии тогда выделялось 16,250 рублей) [14. С. 71]. Однако впоследствии выплаты начали сокращаться: в 1860-х гг. училище получало лишь 1 тыс. рублей в год [11. С. 535], «тогда как она (школа. — П. Л.) требует не менее семи тысяч» [24. С. 10].

Выделяемых средств не хватало, так как училище фактически имело статус пансиона для учащихся и учителей. Начиная с первого набора ученикам ежемесячно выплачивалась стипендия в размере 1,5 лян серебра (примерно соответствовало 3 рублям) [21. С. 268]¹. В 60-х гг. XIX в. единая ставка была пересмотрена, и выдававшееся им пособие начало варьироваться «от 40 копеек до 1 рубля серебром, которые отбираются у них (детей — П. Л.) родителями» [9. С. 386]. Кроме денежных выплат, миссия приобретала для учеников письменные принадлежности и книги, они также «пользовались чаем, завтраком, обедом», «платье выдавалось только сиротским или бедным». Учащиеся, помогавшие при Успенской церкви на северном подворье, находились на полном содержании миссии [30. Л. 206; 33. Л. 170б]. Испытывая финансовые затруднения по содержанию училища, миссия часто обращалась в Азиатский департамент МИД, запрашивая необходимые средства: «Экономические издержки на покупку письменных принадлежностей и содержание самих воспитанников стали значительно увеличиваться, — сообщал в середине 1850-х г. в Петербург начальник миссии Палладий, — долгом моим поставлю покорнейше просить ваше высокопреподобие принять меры к обеспечению содержания училища» [30. Л. 206].

Таково было Училище для албазинцев, открытое в целях прививания нашим бывшим соотечественникам в Пекине основ православной культуры и обучения их русскому языку. Оценки деятельности этого учебного заведения будут весьма неодноз-

---

¹ Стоит сказать, что это были весьма скромные размеры стипендии. Для примера: размер ежемесячных выплат ученикам все той же Школы русского языка при Дворцовой канцелярии составлял 3 лян серебра [18. С. 1587].

начными. Некоторые из учеников благодаря его открытию овладели основами русского языка и могли помогать при церкви, создавая благоприятную почву для распространения русской культуры среди албазинской общины. Наши соотечественники ценили усилия миссионеров по организации их образования: «Высокопреподобнейшие отцы Петр и Даниил, мы, албазинцы, все ученики училища, вами заведенного, оплакивают в вас великую потерю» [19. С. 418].

Действительно, наши священнослужители, действовавшие в весьма сложных политических условиях, при недостатке финансирования и затруднительных контактах с российской общиной, создали и успешно развивали албазинское училище. Они предприняли эффективные меры по привлечению учеников и укреплению статуса учебного заведения в общине. Была разработана весьма содержательная программа обучения, отвечавшая как интересам российских строителей, так и требованиям китайских реалий, организован подбор преподавателей.

Однако при таком внимательном отношении к училищу со стороны миссионеров результаты его деятельности как образовательного учреждения оказались более чем скромными. Уровень владения русским языком выпускниками оказался весьма низким: впоследствии никто из них не приобрел известность первоклассного переводчика, преподавателя русского языка и уж тем более православного священника. Не исключено, что интерес к обучению там обеспечивался обещаниями материальных благ, а не личной мотивацией обучаемых приобрести специальные знания, необходимые для последующего трудоустройства. Сложившаяся ситуация была во многом закономерной: предполагаемые должности служащего государственных учреждений или места преподавателей (которые также состояли на государственной службе и имели чиновничьи ранги) для выпускников училища были фактически закрыты. Не являясь маньчжурами или китайцами, они не имели «права держать экзамен на получение ученых степеней», формально дававших право занимать должности в государственном аппарате, тогда как «бескорыстное учение казалось им занятием пустым, бесполезным и только мучительным» [33. Л. 15а – 16об].

Инициатива миссионеров обеспечивать распространение православия среди общины путем открытия училища, похоже, также осталась малорезультативной. Так, если в 1911 г. в учрежденных миссией православных учебных заведениях Пекина в общей сложности обучались 510 детей китайских подданных¹, а в православном училище в деревне Дундин (основано в ноябре 1861 г.), находившейся близ столицы, еще не более 10 детей местных крестьян [10. С. 9], то в 30-х гг. XX в. христианскими проповедниками, не принадлежащими к православию, по всему Китаю было открыто 13 высших учебных заведений и 255 средних школ, в которых обучались 5,8 тыс. китайских студентов и порядка 44 тыс. учащихся соответственно [36. С. 267].

Интенсивность распространения православия в этой связи также существенно уступала напору, с которым действовали во второй половине XIX в. в Китайской империи представители других христианских конфессий.² Слабая православная пропаганда в Китае, тем не менее, не являлась недостатком деятельности Российской духовной миссии. Наши миссионеры, как указывалось, не ставили себе цель распространить свое влияние в этом государстве и уж тем более провести там церковную православную реформу. Видимо, российская дипломатия, которая базировалась на глубоком научном анализе природы китайского общества, государства и власти, осознавала бесперспективность этих инициатив. И это заключение оказалось в итоге верным. Во время антирелигиозных волнений в Китае в конце XIX в., переросших в 1900 г. в восстание Ихэтуаней, которое было направлено вообще против всего иностранного, под удар прежде всего попали католические миссионеры, проникшие слишком глубоко в китайское государство и общество. Хотя последователи православия в Китае также были подвергнуты гонению, общее отношение местного населения к ним (и особенно миссионерам) было более снисходительным [3. С. 116–125].

¹ Кроме православного училища для мальчиков, в 1859 г. при Российском посольстве была открыта Православная школа для девочек [22. С. 5].

² По данным на 1886 г., в Пекине насчитывалось 459 принявших православие китайских подданных [15. С. 374], двадцатью же годами ранее, в 1866 г., количество китайцев, обращенных по всей империи в католичество, уже составляло 363 тыс. человек [20. С. 33].

Литература

1. Адоратский (Николай). История Пекинской Духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Выпуск II. Казань, 1887.
2. Алексеев А. И., Мелихов Г. В. Открытие и первоначальное освоение русскими людьми Приамурья и Приморья // Вопросы истории. 1984. № 3.
3. Андреева С. Г. Антимиссионерские выступления в Китае во второй половине XIX в. и особенности положения Пекинской духовной миссии // 32-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2002.
4. Архив внешней политики Российской империи (Москва). Фонд 161 (Санкт-Петербургский Главный Архив). Опись 4. Дело 1.
5. Вагин В. Н. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. Т. II. СПб., 1872.
6. Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977.
7. Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае (письма миссионера) // Богословский вестник. 1898. Октябрь.
8. Дневник, веденный в Пекине с 1-го декабря 1830-го года, пристава одиннадцатой миссии подполковника Генерального штаба М. В. Ладыженского // Известия братства православной церкви в Китае. Пекин, 1907. Выпуск 44–45.
9. И. Н. А. Настоящее положение и современная деятельность Православной духовной миссии в Китае // Православный собеседник. 1884. Сентябрь.
10. Извлечения из отчета начальника императорской духовной миссии в Пекине архимандрита Гурия о состоянии и действиях сей миссии в течение 1859–1862 гг. // Китайский благовестник. 1912. Выпуск 2.
11. Исаия. Материальное состояние православных христиан в Пекине // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 48.
12. Каменский (Петр). Записка архимандрита Петра об албазинцах, 9 января 1831 года в Пекине. Пекин, 1906.
13. Карпов (Гурий). Русская и греко-российская церковь в Китае в XVII–XIX вв. // Русская старина. 1884. № 9.

14. Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине // Русский архив. Книга III. 1893. № 9.

15. Лю Сяомин. Гуаньюй циндай бэйцзин дэ элосыжэнь — ба ци маньчжоу элосы цзолин лиши сюньцзун (О россиянах в цинском Пекине — исторические изыскания о «восьмизнаменной» маньчжурской «русской роте») // Цинши луньцун. Выпуск 2007 года (на китайском языке).

16. Международные отношения на Дальнем Востоке (с конца XVI в. до 1917 г.). Книга I. М., 1973.

17. Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII веках // Вопросы истории. 1974. № 7.

18. Мин Цин шиляо (Материалы по истории династий Мин и Цин). Т. VIII. Тайбэй, 1960 (на китайском языке).

19. Можаровский А. К. К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1866. № 7.

20. Моница А. А. Из истории тяньцзиньских событий 1870 г. // Краткие сообщения Института народов Азии. 1962. № 55.

21. Отец Иакинф [Бичурин] (исторический этюд) // Православный собеседник. 1886. Март.

22. Отчет о состоянии Пекинской духовной миссии за 1911 год // Китайский благовестник. 1912. Выпуск 1.

23. Петров В. П. Албазинцы в Китае. Вашингтон, 1956.

24. Праздник всех святых мучеников и юбилей миссии // Китайский благовестник. 1912. Выпуск 4.

25. Проект инструкции начальнику новой пекинской духовной миссии (1831–1837) // Китайский благовестник. 1912. Выпуск 7.

26. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Описание 1. Дело 31 (МИД, Азиатский департамент. «Инструкция начальнику миссии архимандриту Петру (Каменскому)»), 21 июля 1818 года.

27. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Описание 1. Дело 45 (Выписки из отношений генерал-губернатора Восточной Сибири к управляющему МИД, представленные Николаю I в Москве 29 июня 1826 г., 5, 7 июля 1826 г.), конец мая 1824 – 6 апреля 1826 гг.

28. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Опись 1. Дело 73 (Вениамин, архимандрит, начальник миссии. «Предложения в Совет миссии о направлении двух членов миссии для постоянного проживания среди албазинцев и мнения членов Совета»), 28 февраля – 12 марта 1831 г.

29. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Опись 1. Дело 87 (Вениамин Морачевич, архимандрит, начальник миссии. «Отчет за 25 лет службы в миссии»), 1842 г.

30. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Опись 1. Дело 147 (Павел (Цветков), иеромонах. «Краткий отчет о состоянии албазинской церкви и училища за минувший 1850 год». Рапорт начальнику миссии архимандриту Палладию). Пекин, 3 марта 1851 г.

31. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Опись 1. Дело 203 (Амфилохий, архимандрит, начальник миссии. «Рапорт Св. Синоду о состоянии миссии в 1891 году, а также рапорт иеромонаха Платона о состоянии мужского и женского духовного училища при миссии в 1891 г.»), 15 января 1892 г.

32. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Опись 2. Дело 6 (Материалы о деятельности 10-й миссии), 13 декабря 1824 – 24 июля 1831 гг.

33. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (СПб.). Фонд 1457 (Митрополит Виктор (Святин)). Опись 2. Дело 9 (Дела Пекинской духовной миссии. Документы из Азиатского департамента МИД о деятельности 11-й миссии), 17 октября 1831 – 12 апреля 1837 г.

34. Скачков К. Потомки албазинцев в Пекине // Русский художественный листок. 1859. № 2.

34. Фан Хао. Ладинвэнь чуаньжу чжунго као (Разыскания о проникновении латинского языка в Китай). Т. I. Тайбэй, 1969 (на китайском языке).

36. Цыганкова С. П. Американские миссионеры в Китае в первой половине XX в. // Американские исследования в Сибири (материалы международной научной конференции «Американский и сибирский фронт», 4–6 октября 1996 г.). Томск, 1997. Выпуск 2.

37. Чжан Сюэфэн. Цинчао чуци элосы цзолин дэ циюань (Предпосылки [появления] «русской роты» в раннецинский период) // Сиболия яньцзю. 2007. № 3 (на китайском языке).

38. Щебенков В. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М., 1960.

39. Ян Юйлин. Аэрбацзинь жэнь юй цзаоци чжунгэ гуаньси (Албазинцы и китайско-российские отношения в ранний период) // Лунцзян шиюань. 1984. № 1 (на китайском языке).